

Иван Прыжов как зеркало русского социализма, пьянства и юродства

Васильев К.Б., издательство «Авалонъ»

Аннотация: Автор, не считая И. Г. Прыжова (1827-85) крупным, вдумчивым историком и нравственной личностью, обращается, тем не менее, к его очеркам, видя в них пользу для лучшего понимания русской истории. Прыжов писал о производстве, продаже и потреблении спиртного, о кабаках и пьянстве, что было и остаётся одной из самых спорных проблем в России. В очерках Прыжова о нищих и юродивых немало наивных рассуждений и необоснованных выводов, но в них чувствуется живой интерес к теме, стремление разобраться, и это свидетельство очевидца, знакомого с означенными явлениями лично, а не по чужим печатным трудам или устным рассказам.

Ключевые слова: Бакунин, кабак, каторга, Корейша, Народная расправа, Нечаев, нищенство, преступление и наказание, разбой, умышленное убийство, фаланстер, фурыеризм, юроды.

1

Некто совершил или участвовал в умышленном убийстве, и мы, не зная преступника и детали преступления, назовём его убийцей и, вполне возможно, негодяем, и для кого-то будет важно узнать: его поймали, судили, приговорили, он получил по заслугам? На своём бытовом уровне кто-то из нас выскажет своё одобрение или недовольство решением суда: двенадцать лет? — мало ему присудили! или: пожизненное заключение? — слишком жестоко, общество не имеет права на всю жизнь человека за решётку сажать и в тюрьме гноить! или: его же расстрелять надо или повесить, потому что он лишил кого-то жизни, и за подобное злодеяние во все времена полагалась смертная казнь. Судебное решение отражает настроения, преобладающие в обществе в данный период его существования, с учётом современного законодательства в других, прежде всего, *цивилизованных* странах, при этом преобладание основано на чувствах, а не на здравых рассуждениях и логических выводах, сделанных после вдумчивого изучения вопроса. Если вспомнить прошедшую историю и принять во внимание дни сегодняшние, придётся признать, что ни один закон не имел одинаковой силы *во все времена*, и ни один обычай не простоял неизменно от сотворения мира до наших дней. В какой-то период мелкого воришку без проволочек отправляли на виселицу, в другой период разбирательство о жестоком убийстве затягивалось на месяцы и годы, при этом общественное мнение склонялось по какой-то причине к жалости по отношению к преступнику, а не к жертве. Всему своё время, в том числе время бездумно прощать и время без разбора карать, время горячо обнимать кого попало и время воздерживаться безразлично от объятий даже в кругу родных, близких и соотечественников...

Отношение к преступнику начинает меняться, когда, проявив любопытство, мы узнаём, что он не уголовник, не каторжник, а, например, студент, оставивший учёбу, видимо, по бедности, возмечтавший осчастливить человечество и принести великую пользу людям. Он, оказывается, рассуждал не так, что убью, ограблю и отправлюсь пировать в ресторан с продажными девицами; нет, убив жадного ростовщика, он собирался пустить его денежные накопления и сбережения на общественное благо. На какое именно благо? Он же говорит: на народное, на

общественное, он же высказал нам свою идею: всему человечеству принести пользу! Только сначала нужно решиться и убить, и деньги, пришедшие к ростовщику от бедняков, сирот и вдовиц, изъять, а там уже определять, на какие именно народные нужды их распределять.

А, так я рассматриваю не жизненный случай, а рассуждаю о придуманном литературном герое? Нет, Родион Раскольников из романа «Преступление и наказание» вспомнился случайно — почти случайно или, скорее, вспомнился невольно: потому что преступление Ивана Прыжова относится к тем же годам, что и преступление Раскольникова, потому что Фёдор Достоевский, как и Иван Прыжов, участвовал в своё время в революционном кружке, потому что у Достоевского в другом произведении, а именно в «Бесах», один из персонажей списан или, по крайней мере, имеет много схожего с Прыжовым... Кстати, Раскольников, проникший в чужую квартиру для грабежа и зарубивший топором двух женщин, получил восемь лет каторги, а Прыжова, который не убивал лично, но только помогал непосредственному убийце, Сергею Нечаеву, отправили в Сибирь на двенадцать лет. Самого Достоевского судили в более строгие и даже, можно сказать, жестокие времена, при николаевском правлении, и судили как государственного преступника, но собственно на каторге, а именно в Омском остроге, в полной неволе, он пробыл четыре года. Это к вопросу о нечётких определениях того или иного правонарушения в законе и о множестве обстоятельств, усугубляющих или смягчающих приговор, — прописанных в уголовном кодексе и присутствующих как в умах *народной массы*, так и в сознании правоохранителей, от *массы* в большей или меньшей степени зависящих.

2

Уже избегая или, по крайней мере, не произнося вслух слова *убийца* и *негодяй*, мы прислушиваемся и принимаем оправдания Ивана Гавриловича Прыжова, что на убийство он идти не хотел, его вроде бы вынудили; потом, после убийства, он находился в очень болезненном состоянии, многого теперь не помнит... На следствии и в суде Прыжов давал сбивчивые показания, то и дело сводя разговор к тому, что он всю жизнь *изучал народ*, и этого уже как бы достаточно, чтобы его оправдали.

Вырос Прыжов в бедности, в детстве был забитым, болезненным заикой... Это, наверно, адвокаты на суде так расписывали, чтобы выдать слезу у судей и зрителей? Нет, сам Иван Прыжов так высказался о себе, жалея себя, оказавшегося в гадкой тюремной камере, и ему казалось, что всем в судебном заседании тоже станет жалко, когда они узнают: в детстве он был *болезненный, страшный заика, забитый, загнанный, чуждый малейшего развития*. Адвокаты, защищавшие Прыжова с подельниками... то есть с товарищами по *революционной борьбе*, не впадали в такую уж слезливость, но всякими лестными словами и снисходительными характеристиками его выгораживали: один сказал, что Прыжов — *добряк, прост, как дитя*, другой — что это *фантазёр, любящий толкаться между народом без всякой определённой задачи*.

То, что Прыжов был прост, — явно не соответствует действительности. Он был человеком стеснительным и одновременно крайне самолюбивым, он зло и напористо рвался доказать самому себе и другим — богатым, сановным, самоуверенным и, с его точки зрения, более удачливым, — доказать, что он пройдёт себе дорогу и возвысится. Его одолевала гордыня. И он, человек, не получивший высшего образования — в силу собственной гордыни и в связи с жизненными обстоятельствами, поставил себе вполне *определённую* задачу: написать труд исторический, труд многотомный, осветив в нём те стороны русской жизни, от которых наши *образованные* историки отворачивались, которые нашими *образованными* учёными, как он считал, презирались. Он напишет о русском крестьянском быте и о *низах*: о нищих, юродивых и кликушах, о питухах и кабацких ярыгах... Когда Прыжов уже отбывал свой срок в Сибири, из уст одного либерала прозвучало, что *в лице Прыжова варварски загублена крупная научная сила*. Извините, Прыжов загубил себя сам, связавшись с Сергеем Нечаевым и ввязавшись в *подпольную* деятельность. Вместо того, чтобы заниматься по-крупному историей, он потратил, он *убил* много времени на знакомство с *низами*, а затем на сотрудничество с Нечаевым, руководившим кучкой жалких личностей, ободрившихся от того, что стали *революционерами* и участниками тайной организации со смелым названием «Народная расправа». Одно из поручений Нечаева прямо-таки совпало с *научными* интересами Прыжова: до этого он ходил по

кабакам и пил, утешая себя мыслью, что это на пользу задуманному *много tomному* исследованию, только в питейных домах можно по-настоящему познакомиться с жизнью *низов*, а затем Нечаев ещё и поручил ему *ходить в низы* — с *революционно-пропагандистской* целью, и посещение кабаков стало для Прыжова совсем нужным и оправданным делом. Адвокат, защищавший его на суде, неправду сказал, что Прыжов *толкался среди народа без определённой задачи*. Задача была. Михаил Альтман, автор обстоятельного исследования о жизни и творчестве Прыжова, писал в 1934 году:

«По поручению Нечаева Прыжов вёл пропаганду среди посетителей кабаков, харчевень и тайных притонов и доставлял сведения о тех *местах, где собирается преступная часть общества*. Здесь надо напомнить, что в кружке *Народной расправы*, если не организационно, то идейно связанном с Бакуниным, существовал на эту часть общества особый взгляд. Так, Бакунин в одном из своих воззваний писал: *Разбой — одна из почтеннейших форм русской жизни. Разбойник в России — настоящий и единственный революционер без фраз, революционной риторики, революционер непримиримый, неутомимый на деле, революционер народно-общественный, а не сословный. В тяжёлые промежутки, когда весь рабочий-крестьянский мир спит, кажется, сном непробудным, лесной разбойничий мир продолжает свою отчаянную борьбу и борется до тех пор, пока русские сёла опять не проснутся*».

Отсиживаясь в благополучной Швейцарии, социалист Бакунин похваливал русских разбойников, *отчаянная борьба* которых состояла в том, чтобы грабить прохожих и проезжих, не взирая на чины, сословия, возраст и вероисповедание, и действительно пробуждать время от времени русские сёла, убивая ночью всех поголовно в какой-нибудь несчастной крестьянской семье. Печатно и устно передавались *свободолюбивые* высказывания Бакунина вроде этого: «Свобода без социализма — это привилегия, несправедливость; социализм без свободы — это рабство и скотство», и это воспринималось как *умная* мысль, но, если вдуматься, вы засомневаетесь, а потом признаете: что же здесь умного, это звонкий, но бессмысленный набор слов, это просто словоблудие! А вот призыв выйти с кистенём на большую дорогу — совершенно понятен, и он прямо-таки подталкивает всякого рода недоучек и недоносков, увлечённых *социалистической идеей*, к совершению преступления: я зарублю, например, старуху, которая занимается ростовщичеством, и буду не убийцей, а *непримиримым революционером*, мне и подобным недоноскам и недоучкам сам Бакунин дал индульгенцию: режьте и грабьте, разбой — *почтеннейшая форма русской жизни*.

Кого-то из читателей моего очерка покоробит: автор слишком резко выражается, даже до неприличия: *недоучки, недоноски...* Я собственно, повторяю, слова Прыжова о самом себе: *болезненный, страшный заика, забитый, загнанный*; потом, я держу в памяти живописные характеристики Фёдора Достоевского: сам бывший *фурьерист*, знавший лично, а не по брошюркам представителей русского социализма с их взглядами и настроениями, вот в каких выражениях он описывает социалиста Лебезятникова в романе «Преступление и наказание»:

«Худосочный и золотушный человек, малого роста, где-то служивший <...> у него почти постоянно болели глаза. Сердце у него было довольно мягкое, но речь весьма самоуверенная, а иной раз чрезвычайно даже заносчивая, — что, в сравнении с фигуркой его, почти всегда выходило смешно. <...> Действительно был глуповат. Прикомандировался же он к прогрессу и к молодым поколениям нашим — по страсти. Это был один из того бесчисленного и различного легиона пошляков, дохленьких недоносков и всему недоучившихся самодуров, которые мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опошлить её, чтобы мигом окарикатурить всё, чему они же иногда самым искренним образом служат».

Видите, у Достоевского совсем уничижительно сказано: *глуповатый пошляк, дохленький недоносок, недоучившийся самодур...* Может быть, Достоевский срисовал Лебезятникова с Прыжова — с его чертами и наклонностями, включая службу в каком-то малозначительном учреждении, слабое зрение и приступы заносчивости? Лебезятников и в *теорию Фурье* верит, и мелкие вопросы по бытовому устройству социалистической коммуны со страстью обсуждает и *пропагандирует*: что замужняя женщина имеет право заводить себе любовника, и каждый член коммуны имеет право входить к другому члену в комнату, к мужчине или женщине, во всякое время... Нет, Лебезятников не пьёт, тогда как Прыжов к водке сильно пристрастился, и Достоевский обязательно перенёс бы эту его *страсть* на литературного персонажа, он имеет *довольно мягкое сердце*, он ограничивается пропагандой и *протестом*, он не способен и не

пойдёт, в отличие от Прыжова, на убийство. И вообще, роман «Преступление и наказание» создавался раньше, был напечатан в 1866 году, тогда как Нечаев со товарищи расправились со студентом Ивановым осенью 1869 года, после чего их *революционная* деятельность стала известна, и Достоевский заинтересовался личностью Прыжова и изобразил его, среди прочих членов нечаевского кружка, в своём новом произведении, в «Бесах», где он — *некто Толкаченко*.

3

Толкаченко — один из русских *бесов*: «Странная личность, человек уже лет сорока и славившийся огромным изучением народа, преимущественно мошенников и разбойников, ходивший нарочно по кабакам (впрочем не для одного изучения народного) и щеголявший между нами дурным платьем, смазными сапогами, прищуренно-хитрым видом и народными фразами с завитком».

Бакунинские *разбойничьи* призывы в пересказе Нечаева, смельчака, готового убить *ради великой цели* или пусть даже без особой цели, привлекали в кружок, именуемый «Народной расправой», девиц, мечтавших о дружбе с отчаянным мужчиной, а не со скучным обывателем, среди них небезызвестную Веру Засулич, и близоруких, нескладных *заик* вроде Прыжова, надеющихся под руководством *смельчака* испытать себя и себе доказать: ведь *не тварь же я дрожащая!* И Прыжов, близорукий, нескладный, в каких-то жизненных случаях, действительно, *дитя*, как назвал его на суде адвокат, пошёл на убийство вместе с Нечаевым, и держал жертву, студента Иванова, за руки, чтобы Нечаеву было ловчее застрелить Иванова... *Крупная научная сила* кончила тем, что поучаствовала в гнусном преступлении.

Впрочем, повторяю, преступление как-то уже перестаёт считаться гнусным, когда выясняется, что убийцы — социалисты из революционного движения, они борются за народные интересы, за правду и справедливость... что там ещё пишут и говорят в таких случаях, оправдывая борцов за *свободу и народное счастье?*

Прыжов был человеком незаурядным, способным, имел задатки. В его очерках есть то, чего нет у тысячи историков, этнографов, языковедов и культурологов, тупо и вяло, для получения более высокой научной степени оформляющих в виде научной диссертации выбранную научную тему, у Прыжова чувствуется живой интерес к тому, о чём он пишет, есть упорное желание высказать своё отношение и напористо навязать свои суждения и убеждения, и даже когда он злобствует, например, перекадывая вину за русское пьянство на *татар, жидов и ляхов*, он интересен уже этим своим нежеланием соблюдать приличия: что думает, то и говорит, тогда как большинство из нас будет в таких случаях мямлить о дружбе и братстве, о взаимопонимании народов и национальностей, в мыслях, может быть, тоже кляня за все русские беды тех же инородцев, иностранцев, иноверцев.

На суде Прыжов увильнул от прямых ответов, отводил от себя вину, менял показания... В помощь своим адвокатам он, находясь в камере, быстро написал слезливую и в то же время достаточно агрессивную «Исповедь», в которой и прозвучало, что в детстве он был *страшным заикой*, в которой он всячески старался провести мысль о своей невинности: если кто виноват, так это строй, общество, несправедливости жизни, обстоятельства, и Сергей Нечаев сильно на всех давил и к решительным действиям принуждал...

Суд непредсказуем, особенно русский. Напомню, что Фёдора Достоевского, который в своём кружке обсуждал увлечённо *теорию Фурье*, приговорили сначала к расстрелу — за этот самый интерес к писаниям Фурье, которые и всерьёз-то нельзя воспринимать, и за чтение, где и когда — не указано, некоего частного письма некоего русского литератора, в приговоре не названного. Веру Засулич, которая при многих свидетелях стреляла в упор в человека и чуть его не убила, наоборот, объявили невинной и освободили из-под стражи прямо в зале суда... Иван Прыжов получил в 1871 году двенадцать лет каторги и вечное поселение в Сибири. Там он и скончался, в Сибири, в 1885 году. Как свидетельствовал современник, он «запил и умер, — одинокий, больной, озлобленный не только против врагов, но и против друзей».

Ему бы, по примеру В. О. Ключевского и С. М. Соловьёва, его современников, исследовать *всеобщую* историю русского народа во всех её проявлениях, на всех уровнях, в верхах и низах, но вместо этого Прыжов отдал всего себя общению с *низами*, встречаясь с которыми, он

удовлетворял свою гордыню: я, историк, литератор, а потом и революционер из тайной организации, снисхожу до того, чтобы пить с *ярыгами*, и эти ярыги уважают меня! Как важно для русского человека — что его какие-то случайные *питухи* уважают, и что у него через общение с кабацкими завсегдатаями пол-Москвы знакомых!

В начале двадцатого века, когда либералы всех оттенков, накликая с жаром революцию, вспоминали всех, *пострадавших за народ*, в список пострадавших внесли и Ивана Гавриловича Прыжова, и переиздание его «Кабаков» в 1914 году имело целью, по словам издателя, *напомнить русскому народу о его заступнике и невинном страдальце*.

Прыжов — народный заступник? Даже смешно слышать... Нельзя считать его и невинным страдальцем: судебный приговор и каторга явились следствием его уголовного преступления. Достоевский, попавший в острог за куда меньшую вину, скажет потом себе и другим: «Смирись, гордый человек!» Прыжов, прилепившийся к идее социализма, не желал смиряться, он и умер в озлоблении, вовсе не раскаиваясь в содеянном, считая, что не преступление совершил, а вкуче с другими *борцами за светлое будущее* выразил протест против *ненормальности социального устройства*... Здесь, не имея достаточных знаний по истории социализма в России и не умея коротко высказать суть сложного явления, я передаю слово Достоевскому, который в «Преступлении и наказании» изложил воззрения, взгляды... суть русских социалистов — устами Разумихина, чья речь обращена к Раскольникову:

«Началось с воззрения социалистов. Известно воззрение: преступление есть протест против ненормальности социального устройства — и только, и ничего больше, и никаких причин больше не допускается <...>. Я тебе книжки ихние покажу: всё у них потому, что *среда заела*, — и ничего больше! <...> Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными. Натура не берётся в расчёт, натура изгоняется, натуры не полагается! У них не человечество, развившись историческим, *живым* путём до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит всё человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути! Оттого-то они так инстинктивно и не любят историю: *безобразия одни в ней да глупости* — и всё одною только глупостью объясняется! Оттого так и не любят *живого* процесса жизни: не надо *живой души*! Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна! А тут хоть и мертвечинкой припахивает, из каучука сделать можно, — зато не живая, зато без воли, зато рабская, не взбунтуется! И выходит в результате, что всё на одну только кладку кирпичиков да на расположение коридоров и комнат в фаланстере свели! Фаланстера-то и готова, да натура-то у вас для фаланстеры ещё не готова, жизни хочет, жизненного процесса ещё не завершила, рано на кладбище! С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион! Отрезать весь миллион и всё на один вопрос о комфорте свести! Самое лёгкое разрешение задачи! Соблазнительно ясно, и думать не надо! Главное — думать не надо! Вся жизненная тайна на двух печатных листках умещается!»

Вот именно: умеренный социалист вроде Лебезятникова, впечатлившись сказочными мечтаниями Шарля Фурье и Н. Г. Чернышевского, неторопливо *дебатировал* об устройстве будущих социалистических фаланстеров... Так и тянет добавить, что эти мечтания, так сказать, осуществилась в России после Революции в виде коммунальных квартир, рабочих и студенческих общежитий, строительных и лагерных бараков, куда, придя к власти, сдвинули и согнали значительную часть населения борцы за светлое будущее. Нетерпеливый Прыжов с мечтой *устроить всё человечество* по социалистической системе желал *в один миг* сделать его праведным и безгрешным! При этом он не понимал, не принимал в расчёт, что в нём-то душа как раз кипит и *жизни требует*, он со своей *натурой*, со своим ущемлённым самолюбием, со своей тягой к кабакам, в фаланстере не уживётся, правилам социалистического общежития подчинить свою *натуру* он не сможет и не захочет, и в один прекрасный день из одного социалистического фаланстера, плотно населённого чистыми и нечистыми, его выведут и без долгих судебных заседаний отправят в фаланстер иной, обнесённый колючей проволокой, с решётками на окнах, охраняемый надзирателями и часовыми.

В своё время, редактируя и готовя к печати прыжовскую «Историю кабаков в России», я был поначалу приятно удивлён: автор ознакомился с огромным количеством печатных материалов по истории вопроса, он ссылается то и дело на зарубежных и отечественных исследователей, приводит выдержки из многих, в том числе очень даже редких изданий, известных далеко не каждому образованному историку. При этом, повторяю, виден был живейший интерес к теме, прямо-таки страстное желание докопаться, разобраться, рассказать другим, донести до читателя и собранные сведения, и свои взгляды, высказать свою точку зрения. По ходу работы я заметил, однако, что цитаты, использованные Прыжовым, требуют проверки: иногда он в спешке или по невниманию неточно передаёт чужой текст, перевирает имена, даты... Важнее другое: если вчитаться и задуматься, оказывается, что Прыжов в некоторых случаях принимает и выдаёт за историческую правду фольклорные или литературные рассказы, и, по большому счёту, после вполне здравых рассуждений он для решающего довода опирается на вымысел.

Посудите сами: в первой же главе «Кабаков», которые видятся доскональным и чуть ли не исчерпывающим историческим исследованием, мы обнаруживаем совершенно сказочные представления автора о прошлом: «Русская земля издавна <...> жила по обычаям своим и по закону отцов своих <...>. Ни мужиков, ни крестьян тогда ещё не было, а были люди <...>, был народ, владевший землёю и состоявший из мужей и пахарей (ратай, оратай)». Прямо-таки зачин какой-нибудь былины про славные и героические времена князя Владимира. Прочитав многостраничную книгу с изобилием ссылок на всевозможнейшие источники, в том числе на работы признанных историков, вы обнаруживаете, что выводы автор сделал всё же исходя из народных преданий, сказок и литературных выдумок. Подробное описание бортничества и медоварения на Руси с обилием статистических данных дополнено сценами с пирами князя Владимира, как они изображались именно в былинах, и автор подводит нас к мысли, что всё на Руси было хорошо — пока народ мёды пил, но эта лепота закончилась с появлением водки. А откуда взялась водка, откуда появились кабаки или, иными словами, кто споил Россию? Зная в общих чертах *натуру* и миропонимание Прыжова, мы угадываем ответ на поставленный вопрос: инородцы виноваты!

«С XVI века на Руси делается известною водка, открытая арабами: арабские *al-kohol*, *áraky*; турецкое *raky* — водка; болгарское — *ракия*; русское — *арак*. Рагез, родившийся в 860 году <...> первый указал способ приготовления алкоголя <...>. Водка является в Европе и <...> в конце XIV века (1398) от генуэзцев, торговавших с Переяславом и Ромном, переходит в южную Русь, и затем в первой половине XVI века распространяется по всему северо-востоку. Воротившись из-под Казани, Иван IV запретил в Москве продавать водку, позволив пить её одним лишь опричникам, и для их попоек построил на Балчуге особый дом, называемый по-татарски кабаком. У татар кабаком назывался постоялый двор, где продавались кушанья и напитки. В 1545 году царское войско сожгло в Казани ханские кабаки <...>. В самой Казани, во время взятия её Грозным, стояли Кабакские врата <...>. Кабак, заведённый на Балчуге, полюбился царю, и из Москвы начали предписывать наместникам областей прекращать везде торговлю питьями, то есть корчму, корчемство, и заводить царёвы кабаки, то есть места продажи напитков, казённой или откупной».

Не имеет смысла переспрашивать автора: откуда такая уверенность, что только в XIV веке в России узнали про перегонку спирта? Потом: арабского химика звали не *Рагес*, он — *Разес*, или *Разис*, или, точнее, *Ар-Рази*. И какая связь между русскими питейными заведениями, взятием Казани и сомнительной байкой про кабак на Балчуге, якобы единственный на всю Москву, где только опричникам позволялась водка? Тюркское *кабак* не значит *питейное заведение*, непонятно, почему это слово прилепилось к русской распивочной, и вряд ли мусульманская Казань изобиловала заведениями, в коих народ усиленно потреблял алкоголь.

Подобная же логика наблюдается и в той части прыжовского исследования, которая посвящена питейному делу в Малороссии, там во всём виноваты поляки — не напрямую, а через евреев. Ляхи отдавали в аренду шинки — жидам, а жида уже спаивали честных, трудолюбивых и праведных малороссийских крестьян и славных казаков!

Точно такое *историческое* мышление, замешанное на мифах и легендах, мы наблюдаем и в других публикациях Прыжова. В статье, посвящённой нищенству, он, не замечая, что постоянно противоречит самому себе, сбивается на высказывания, которым место только в сказках про времена Царя Гороха:

«Памятники доисторической жизни славян свидетельствуют, что в то время нищих не было, да и неоткуда было им взяться: народ жил замкнутыми родами, а земля была велика и обильна». *То время* — это несколько столетий. И на протяжении веков, как славно! — полное отсутствие нищеты. Настолько, видимо, великая земля была обильна неоскудевающими молочными реками с кисельными берегами.

5

Если не обращать внимания на умозаключения Прыжова, можно рассматривать его труд как полезное собрание материалов по истории питейного дела в России, объединение сведений, которые в ином случае пришлось бы искать по разным, в том числе не очень доступным источникам. Следуя уже своей логике, мы обращаем особое внимание на роль русского государства, русских властей, в том числе духовных, в производстве и продаже спиртных напитков. Думающий читатель приходит к тревожащей и даже пугающей мысли, что власть, то бездумно, а то и осознанно спаивала население страны. Тамга и кабак были большим, подчас чуть ли не единственным способом собирать деньги — в казну, то бишь, прежде всего, на прокорм наместников и московских правителей. Тамга развращала и приучала к нетрудовым доходам: наставим рогаток на каждом мосту, на каждом перевозе и на каждом повороте дороги, поставим калитки и шлагбаумы на каждом въезде и выезде и будем собирать подати с каждого прохожего и проезжего, входящего и выходящего, особенно с тех, кто что-нибудь везёт или несёт, просто останавливаем всех и говорим: платите! А вторая статья дохода — кабак, от которого получение дохода тоже до примитивности простое: чем больше водки наделаем и продадим, чем больше покупающих и пьющих, тем больше доход казне. Как справедливо и обоснованно высказался Достоевский в «Бесах»: «Моря и океаны водки испиваются на помощь бюджету». А если кто из населения будет гнать свою сивуху, свой самогон, не покупая *вино* из государева или государственного кабака, тому *сечь руки и ссылать в Сибирь*, ведь иначе подрывается экономика великой нашей страны! Время от времени заводился разговор или даже поднимался крик, что надо *бороться* за трезвость народа. В рамках этой *борьбы* даже указы какие-нибудь принимались: не наливать *питухам* больше одной чарки, или убрать скамейки из кабаков, чтобы питухи не засиживались: глотнул водки и пошёл отсюда! — или, как помнится по застойному и загнивающему периодам нашего социализма: ограничить время продажи вино-водочных изделий, или продавать в одни руки только по одной бутылке водки... Но в любой период нашей истории власти быстро спохватывались: меры по *борьбе* приводят к убыткам казне! Тогда издавался указ уже питухов не отгонять, а привечать, а дабы создать видимость каких-то *антиалкогольных* мер, кабак переименовывался в кружало, или в питейный дом, или в рюмочную, а для успокоения совести, своей и общественной, вспоминались снова слова, приписанные князю Владимиру, про то, что якобы *пить* на Руси — это то же самое, что *быть*.

6

Начиная своё исследование о русских нищих, Прыжов счёл нужным привести — в качестве эпиграфа — запальчивое высказывание И. С. Аксакова о том, что Древняя Русь не отжила свой век. Напрашивается вопрос: к чему запальчивость? Никто не станет возражать против очевидной мысли, высказанной Аксаковым, что «Древняя Русь неразрывно соединена с нашим настоящим и будущим, соединена тою живою связью, какою соединён корень с ветвями дерева». Понятно, что характер и национальные особенности русского народа унаследованы от давних предков через цепочку поколений, будь то русский народ в XIX веке, когда жили Прыжов и Аксаков, или российский народ, населяющий сегодня, в начале XXI века, через сто лет после Аксакова и Прыжова, ту же часть Земли. Благодаря неизменному местожительству, собственно, национальные особенности и сохраняются: на почве, где всегда произрастали

берёзы, дубы и ели, так и будут произрастать эти виды, а не какие-либо заморские померанцы и ораниенбаумы, время от времени искусственно у нас насаждаемые.

Судя по взволнованному тону Аксакова, он с кем-то спорит, кого-то переубеждает. Видимо, идёт полемика с теми, кто утверждал и при этом радовался, что Россия после Петра I *отбросила свой прежний путь, путь Древней Руси*.

Ивану Аксакову, славянофилу, Древняя Русь виделась, живописным полотном, цветной картинкой, на которой благородный во всех отношениях киевский князь обводит ясным взором границы своих исконно русских владений, он окружён хороброй дружинишкой — могучими добрыми молодцами: все равны, как на подбор, отметил бы Александр Пушкин, глядя на них, все политически грамотны и морально устойчивы, как написали бы в их характеристиках должностные лица в социалистический период. На сказочном полотне, созданном фантазией Аксакова и других славянофилов, есть место и древнерусским нищим — и, конечно, это не назойливые попрошайки с протянутой рукой, это облачённые в пристойно-чёрные одеяния калики перехожие — добры молодцы под стать княжеским ратникам, это чистые сердцем собиратели милостыни, идущей на содержание православных храмов и монастырей.

Для Ивана Аксакова, для славянофилов, для многих других, не знающих ни Аксакова, ни что такое славянофильство, на картинах былого, рисуемых воображением, в толпе древних русичей, провожающих князя на очередную битву с *погаными*, то есть иноверцами, не может не быть и древнерусского юродивого — и, опять же, это не слабоумное, тупоумное или хитроумное существо, живущее чужим трудом, но — духовный подвижник, совершающий подвиг во имя Христа своим полным презрением к мирским благам и мирскому благочинию.

7

О том, что юродство — духовное подвижничество, я прочитал не у церковного автора в православном журнале, не у историка христианской церкви, а в современной энциклопедии, которая в наше материально-потребительское время *качает* заинтересованному компьютерному пользователю любые сведения со скоростью света по электронной системе, работающей не по волхованию языческого жреца или библейского пророка, а по законам физики. Автор статьи про русское юродство, может быть, и верит в Бога, но, скорее, прикидывается верующим перед другими и перед самим собой, и к православию он обратился за неимением других идей в голове, как некогда *недоучки* и *недоноски* заморачивались на *модном* социализме.

«Юродство — вид духовного подвижничества, заключающийся в безумии или симуляции его. Один из способов преодоления тщеславия... Религиозный подвиг юродства состоит в отвержении с наибольшей последовательностью мирских забот — о доме, семье, труде, о подчинении власти и правилам общественного приличия. В этом юродивые подражают Христу...»

Есть ли смысл во фразе, в которой слеплены подвижничество и безумие? Ладно, не будем вдаваться: многое из написанного и ранее, и сейчас, не имея смысла, ложится вполне приемлемо на слух. Но то, что необразованные, тихо или буйно помешанные личности, часть которых и в церкви никогда не бывала, и Библию в руках не держала, подражают Христу, ему уподобляются... это вы, товарищи, сильно загнули. Это вы, господа, и Христа совсем на дальний задний план задвигаете, для фона, для красного словца, а представителями Бога делаются у вас Иван Яковлевич, Семён Митрич, Ольга Макарьевна, Фома Фомич...

Кто такие? С первыми тремя нас знакомит Иван Прыжов в своих замечательных очерках о лжепророках, ханжах, дурах и дураках. Иван Яковлевич Корейша, пациент сумасшедшего дома, слыл в своё время главным московским пророком. Он же считался большим целителем. Благодаря Прыжову мы узнаём, как проявлялась *врачующая сила* Ивана Яковлевича: «девушек он сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин он обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерётся и ругается»... Вдумаемся: на похороны Ивана Яковлевича собралось намного больше скорбящих, чем на прощание с писателем Гоголем, его смерть оплакивали громче, чем кончину военачальника Ермолова.

Семён Митрич... Да, Корейша валялся в грязи на полу, но всё-таки иногда кого-то *врачевал*, время от времени что-то загадочное бормотал, отчего и был объявлен пророком, а Семён Митрич, представляя из себя массу живой грязи, *в которой даже не различишь, человеческий ли*

это образ или животный, по большей части просто молчал: Семён Митрич вообще не любил, чтобы его донимали вопросами. «Спроси его кто-нибудь (о женихе или о пропаже, или как одна барыня спросила, куда убежала её девка), то он или обольёт помоями, или какою нечистью обдаст», — пишет Прыжов и сообщает с иронией, в чём состоял *великий религиозный подвиг* Семёна Митрича: иногда тот крестил проходящих рукой, замаранной в собственных испражнениях.

Не будем заострять внимание на нечистотах, ибо слишком внимательное исследование обгаженных предметов обстановки всегда отвлекает от главной темы и действующих лиц и, вторых, наталкивает на мысль о какой-то нездоровой грязноте самого *исследователя*. Важнее вот что: Корейша и Семён Митрич не молились, не постились — *никогда не говели*. Церкви и Бога они не знали. К Церкви и к Богу их присоседили материально более или менее обеспеченные, но душевно убогие людишки из самых разных слоёв, прослоек и сословий, те, кто, как считает не без оснований Прыжов, *вне беседы с юродивым не знают ничего, что могло бы нравственно возвысить человека*.

Разбираясь в причинах и следствиях того или иного явления, мы часто слышим краем уха пресловутое *ищите женщину*. В нашем случае эта подсказка, вроде бы, не к месту... Хотя, подумав, мы вдруг увидим уместность французского речения: к стопам юродивых припадают главным и подавляющим образом женщины, при этом припадают страстно, с кликушескими выкриками, которые возвышают какого-либо юрода вплоть до возведения в христианские святые. Прыжов сообщает, что во время похорон Ивана Яковлевича шли дожди, но, несмотря на страшную грязь, когда гроб переносили из квартиры в часовню, из часовни в церковь, и потом из церкви на кладбище «женщины, девушки, барышни в кринолинах падали ниц, ползали под гробом, ложились по дороге, чтоб над ними пронесли гроб». И ещё одна фраза — повторяю, не ради копания в нечистотах, а дабы показать, как участие *прекрасного пола* в том или ином движении, включая религиозное и революционное, придаёт этому движению страстную силу, граничащую с безумием. Кстати, напомним: первым человеком, которому привиделся воскресший Христос, человеком, который бросился разносить весть о чудесном воскрешении, была женщина, блудница Мария... Да, в том, что Иван Яковлевич обрёл славу врача и пророка, большая доля женского участия. Нельзя назвать иначе как пасторалью или сказочным вымыслом следующие *обобщающие* рассуждения Прыжова: «Славянская женщина, в глубокой древности, имела религиозное значение. Подобно божеству, которому она служила, и самая природа её получила космогоническое происхождение. Эта было светлое и чистое существо, это была дева в лучшем значении этого слова, (дева от санскритского *div* — *блистать*). <...> На почве древнерусского мирозерцания светлые эпические девы сменились ведьмами, сёстрами-колдуньями, тремя сёстрами бабами-ягами, сёстрами-лихорадками...» А частные примеры, им приводимые, его зарисовки с натуры убеждают в страстном служении женщины какому угодно идолу: некая княгиня «умирала и лекаря отказались её лечить. Вот она велела везти себя к Ивану Яковлевичу; вошла к нему, поддерживаемая двумя лакеями, и спрашивает о своём здоровье. В это время у Ивана Яковлевича были в руках два большие яблока. Ничего не говоря, он ударил княгиню этими яблоками по животу, с ней сделалось дурно и она упала; еле-еле довели её домой и, чудо! на другой день она была здорова!» — некая барыня рассказывала, как «Иван Яковлевич исцелил ей палец <...>. Медики объявили ей, что если она не отрежет пальца, то скоро нужно будет резать ей всю руку. Несколько дней продолжалась ужасная боль в её пальце и не знала она, что ей делать и куда деваться. И вдруг вспомнила, что в её комодке лежит свёрток табаку, подаренного ей Иваном Яковлевичем, с надписью: *табак от Ивана Яковлевича*. Она велела подать себе этот табак, посыпала им палец, и, чудо! палец тотчас же перестал болеть и скоро зажил». Рассказывая свою историю, то ли полностью, то ли частично выдуманную, барыня делилась своими выводами: «Все наши медики <...> шарлатаны, а Иван Яковлевич — святой человек». Согласитесь, что и в наши дни, когда все поголовно прошли через среднюю школу и пользуются каждый день достижениями науки и техники, можно услышать подобное: врачи ничего не понимают, а вот моей соседке её подруга рассказывала, как съездила со своими болячками к одной слепой прорицательнице в дальней деревне, и после посещения — болячки как рукой сняло!

Ещё при жизни, когда юродивый Корейша, помещённый в *безумный дом*, лежал на полу в своей комнате, *из-под него текло*, как сообщает Прыжов, и служители посыпали пол песком:

«Этот-то песок, намоченный из-под Ивана Яковлевича, поклонницы его собирали и уносили домой, и *песочик от Ивана Яковлевича* стал оказывать врачебную силу. Когда же умер он, то многие приходили издалека и покупали песочек у сторожей». Что-либо вроде целебного песочка продаётся и пользуется спросом и в наше просвещённые времена.

8

Прыжов, как говорится, знакомил публику с общественными язвами, Прыжов открывал публике глаза на неприглядные стороны жизни, Прыжов будоражил, так сказать, общественное мнение: смотрите, нищенство на Руси — одна из сил, *разъедавших народный организм*, одно из *диких явлений*... А что публика? А публика всегда одно и то же. Часть публики желает валяться в ногах у какого-нибудь идола, как бы вы её не вразумляли. В публике есть личности, которые сами не валяются, но которых вовсе не коробит от подобных сцен: они, оказывается, видят величие и славу в том, что Прыжов, и не только он один, осуждал как дикость и неприглядность. Например, поэт Аполлон Григорьев, современник Прыжова, как будто повторяя гордый лозунг Аксакова *путь прежний не брошен*, наоборот, чуть ли не умилился, что за гробом Ивана Яковлевича Корейши шли *сотни тысяч народа*, потому что Иван Яковлевич — это явление наше, русское, *юродство старое, исконное*, и есть вещи похуже — например, спиритизм, которым увлеклись в то время некоторые праздные господа, особенно из высшего света (и, опять же, в большинстве своём дамы).

Мы говорили о поклонницах. В очередном прыжовском очерке рассказывается, как обрастает славой новый *пастырь*, учредивший под Москвой своей молельный дом: «Начинают собираться к нему вдовы-купчихи, странницы и все засидевшиеся в девках и приносят с собой большие деньги...» Это *несите деньги* мы слышим и сегодня, в двадцать первом веке, и воистину *путь прежний не брошен*: сошла со страны ледяная коммунистическая корка, и на потеплевшей почве снова проросли лжесвятые, лжепророки, объявляя, что они *во Христе*, и скликают в свои обители женский пол дабы бормотать им что-нибудь *священное* для удовлетворения их души и брюхатить для удовлетворения своей похоти. Из чего они прорастают, откуда наползают? — про современных не знаю, а историю одного *святителя* из прошлых времён излагает Прыжов: некий Иван Степаныч был московским лихачом, возил деловитых и праздных — в основном в злые места, *знал подробно все пути наживы*, попал под суд, бродяжничал, *года два где-то пропал*, потом *вдруг явился в Москве босым, в виде юрода и блаженного*, был взят в полицию за неимение паспорта и ещё какие-то грешки, посажен в острог... И затем — благостный поворот судьбы: бывший лихач и ныне острожник Иван Степаныч, опираясь на некоторую известность, приобретённую им во время юродствования, обратился через посредников к Ивану Яковлевичу, самому маститому юроду, и тот *пишет о нём одному влиятельному лицу, влиятельное лицо хлопчет об освобождении Ивана Степаныча, и его освобождают*... Выпущенный на волю, бывший лихач и уже бывший острожник отправляется в сумасшедший дом к Ивану Яковлевичу и получает у того благословение на основание молитвенного дома. В этот подмосковный дом и потекли *вдовы-купчихи, странницы и все засидевшиеся в девках* — и большие деньги понесли.

Этот Иван Яковлевич Корейша — прямо какая-то национально-героическая фигура? Да, что-то в этом роде, и вспомним ещё раз, как его хоронили с куда большими почестями чем Гоголя и Ермолова. И даже в галерее литературных персонажей имеется его физиономия — благодаря Достоевскому, а излюбленный выкрик Корейши *кололацы!* и сегодня можно встретить у начитанных литераторов и публицистов, желающих записать в юродивые того или иного из своих оппонентов.

В рассказе Прыжова об Ольге Макарьевне звучит тот вопрос, который рано или поздно слетает с губ здравомыслящего человека, который иногда *поднимается* даже каким-то количеством более или менее здравомыслящих граждан: а все эти нищие, что ежедневно простаивают у церкви, высиживают часами на тротуаре с картонкой на груди, сообщающей об их бедах и недугах, таскаются сами и таскают своих вроде как больных детей по переполненным вагонам метро... а они не хотели бы устроиться на какую-нибудь работу? За всех них ответила Ольга Макарьевна, хороводившая, как свидетельствует Прыжов, в своё время московскими нищими и юродивыми, она выступила рупором всех праздношатающих: «Очень

не любит она, если кто-нибудь ей скажет: Шла бы ты, Ольга Макарьевна, в сиделки в больницу или на фабрику, в артель в кухарки, ведь труды-то Бог любит. На эти слова она непременно ответит такой бранью, что зажимай уши».

9

Рядом с прыжовскими жанровыми зарисовками мы размещаем крупный живописный портрет, созданный воображением и пером Достоевского: литературный Фома Фомич в повести «Село Степанчиково и его обитатели» более опрятен и развит, чем юродивые, списанные Прыжовым с натуры, но в физиономии Фомы Фомича — те же черты русского юрода, в истории его возвеличивания задействованы те же силы, начиная с *барынь-любительниц*:

«Генеральша питала к нему какое-то мистическое уважение, — за что? неизвестно. Мало-помалу он достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияния различных Иван-Яковличей и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями, из любительниц...»

Фома Фомич Опискин, приживальщик, *паршивик* и *шельмец*, как-то пожелал, чтобы четверг считали средой — так ему приспичило, и в доме, где всё подчиняется *выживавшей из ума идиотке*, которая существует *неразлучно с другим идиотом — её идолом*, на той неделе было две среды. А потом Фоме Фомичу захотелось, чтобы к нему обратились как к генералу: *Ваше превосходительство!*

Достоевский подхватил, развил и усложнил простую музыку прыжовских описаний, среди которых — очерк о Гавриле Афонском, очень созвучный сценам, в коих обитатели Степанчикова обласкивают *щельмеца* Опискина. Гаврилу, человека с очень туманным прошлым, вводят в московские дома и: «сажают на первое место, угощают стерляжкой ухой, до которой он великий охотник, кланяются ему в ноги, целуют ему руки и приказывают прислуге делать то же самое. Лакей из дворовых людей, живший у купца, никак не решался целовать руки у ханжи и кланяться ему в ноги, и за это был разочтён, как безбожник, и выгнан. Хотели даже высечь его за это в части, но только полиция, при всём уважении к купцу, не нашла для этого достаточных оснований».

Переведём, однако взор с Фомы Фомича, с ним всё понятно, на генеральшу, его почитательницу... нет, о почитателях женского рода мы уже наговорились, с ними тоже более-менее понятно, а приглядимся лучше к Егору Ильичу. Кто такой? Егор Ильич — сын той самой генеральши, *выживавшей из ума идиотки*, как называет её Достоевский. Она — *барыня из любительниц*, сотворившая себе кумира из *щельмеца* Опискина, а он — почтительный сын. Что требовать от стареющих барынь, скучающих купчих и барышень, *засидевшихся в девках*? И не они, в конце концов, являются движущей силой больших общественных явлений. А вот Егор Ильич олицетворяет часть русского общества, благодаря которому юродивые пролезают в *ваши превосходительства*, а мнимые нищие *подвязав руки, тако ж и ноги, а иные глаза завеса и зажмуря, притворным лукавством просят на Христово имя*. Егор Ильич не просто потакает матери, *идиотке-старухе*, пригревшей Фому Фомича, он сам узрел в этом приживальщике большой ум, а потом вообще поверил, подобно Ивану Аксакову и Аполлону Григорьеву, что юродствующий Фома Фомич *ниспослан ему самим Богом для спасения души его*.

Как сказала Зинаида Гиппиус: «Русский человек без юродства как будто и святости не понимает».

Во французском произведении, в пьесе Жана-Батиста Мольера, ханжу Тартюфа разоблачают и выгоняют в конце концов из дома. В русском произведении Фома Фомич, эта, по определению автора, *сластолюбивая, капризная тварь, эгоист, лентяй, лежебок*, в доме Егора Ильича остаётся. При этом его оставляют не из сострадания, а для почитания... И сегодня в большом доме с названием *Россия* в юродстве видят святость или, по крайней мере, считают его признаком святости.

Во второй половине XIX века Иван Григорьевич Прыжов писал:

«Толкуют, что Россия очень похожа на Америку, что ту и другую ожидает новая жизнь, неизвестная старому миру. Но на плечах Америки не лежит ни Древней Руси, ни даже старой Европы, и действительно там должна развиваться новая цивилизация. Не то у нас. У нас темно и мрачно, тупо, безобразно...»

Новая жизнь у нас, действительно, наступила — после Революции 1917 года, в виде социализма, жизнь, поистине *неизвестная старому миру*, и три, даже четыре поколения русских людей стали деятельными или невольными участниками куда более тупых безобразий, чем те, которые совершались при Прыжове. Взять, по большому счёту, *строительство коммунистического общества* — создание того, чего никогда не было и природой не предусмотрено. Что думать нам сегодня, в начале двадцать первого века? Идут поиски национальной идеи, восстанавливается православие... Такое ощущение, что русский человек не представляет себя без религиозной веры, при этом непременно с довеском юродства, или без идеи, при этом такой, которая, по выражению Достоевского *съест* его, без чего-то чего-то запутанного, сложного, но непременно с примесью сказки.

Литература

- Альтман М. С., Прыжов И. Г. Очерки, статьи, письма. М.: Academia, 1934. 486 с.
 Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: в 2 т. СПб.: Издание А. Базунова, Э. Праца и Я. Вейденштрауха, 1867.
 Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели. СПб: Тип. Ф. Стелловского, 1866. 293 с.
 Н. Барков. Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. М.: Тип. Семена, 1864. 162 с.
 Прыжов И. Г. Житие Ивана Яковлевича, известного пророка в Москве. СПб.: Н. Л. Тиблен, 1860. 52 с.
 Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.-М.: Издание М.О. Вольфа, 1868. 320 с.
 Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Казань: Молодые силы, 1914. 282 с.
 Прыжов И. Г. Нищие на святой Руси. М.: В типографии М.И. Смирновой, 1862. 139 с.
 Прыжов И. Г. Очерки древне-русского быта. М.: Типография М. И. Смирновой, 1860. 139 с.

References

- Al'tman, M. S., Pryzhov, I. G. *Ocherki, stat'i, pis'ma* [Essays, Articles, Letters]. Moscow: Academia Publ., 1934. 486 pp. (In Russian)
 Barkov, N. *Dvadtsat' shest' moskovskikh lzhe-prorokov, lzhe-yurodivykh, dur i durakov* [Twenty-six Moscow False Prophets, False Holy Fools and Fools]. Moscow: Tip. Semena Publ., 1864. 162 pp. (In Russian)
 Dostoevskii, F. M. *Prestuplenie i nakazanie: v 2 t.* [Crime and Punishment: in 2 Vol.] Saint-Petersburg: Izдание A. Bazunova, E. Pratsa i Ya. Veidenshtraukha Publ., 1867. (In Russian)
 Dostoevskii, F. M. *Selo Stepanchikovo i ego obitateli* [The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants]. Saint-Petersburg: Tip. F. Stellovskogo Publ., 1866. 293 pp. (In Russian)
 Pryzhov, I. G. *Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda* [The History of Taverns in Russia in Connection with the History of the Russian People]. Saint-Petersburg - Moscow: Izдание M.O. Vol'fa Publ., 1868. 320 pp. (In Russian)
 Pryzhov, I. G. *Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda* [The History of Taverns in Russia in Connection with the History of the Russian People]. Kazan': Molodye sily Publ., 1914. 282 pp. (In Russian)

Pryzhov, I. G. *Nishchie na svyatoi Rusi* [Beggars in Holy Russia]. Moscow: V tipografii M.I. Smirnovoi Publ., 1862. 139 pp. (In Russian)

Pryzhov, I. G. *Ocherki drevne-russkogo byta* [Sketches of Ancient Russian Everyday Life]. Moscow: Tipografiya M. I. Smirnovoi Publ., 1860. 139 pp. (In Russian)

Pryzhov, I. G. *Zhitie Ivana Yakovlevicha, izvestnogo proroka v Moskve* [Life of Ivan Yakovlevich, a famous prophet in Moscow]. Saint-Petersburg: N. L. Tiblen Publ., 1860. 52 pp. (In Russian)

Ivan Pryzhov as a Mirror of Russian Socialism, Drunkenness and Holy Foolery

Vasilyev K.

Abstract: The author's essay is based principally on the writings of Ivan Pryzhov (1827-85), an independent scholar and a member of the secret radical group called "People's Reprisal". Tried for murder he was sentenced to twelve years of hard labour and died in Siberia. The author does not regard Pryzhov as a major historian and a moral person. At the same time he thinks that Pryzhov's articles and books are useful for a better understanding of Russian history. They concerned the production and consumption of alcohol in Russia over a long period of time, and they provide a lively story of the Russian tavern with all its peculiarities and customers. Pryzhov dealt with beggars and the so called holy fools, and he shared with the reader his personal experiences.

Keywords: Mikhail Bakunin, beggars, crime and punishment, hard labour, holy/God's fools, kabak/Russian tavern, Ivan Koreisha, premeditated murder, Sergey Nechayev, paupers, People's Reprisal, robbery, social misfits.